

УДК 930:338.2(47)"20"(045)

*О.Г. Клёцкина***НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Статья посвящена анализу отдельных публикаций второго десятилетия XXI в. по актуальным проблемам новой экономической политики. Представленный историографический обзор опирается на работы историков, юристов, экономистов, интересующихся новой экономической политикой. Точки зрения исследователей сопоставлены по некоторым взаимосвязанным составляющим нэпа. Проведённое исследование выявило повышенный интерес отечественных учёных к содержанию и последствиям нэпа. В то же время опубликованные труды по историографии нэпа не являются исчерпывающими. Статья содержит умозаключения автора, обобщающие результаты исследований современных отечественных учёных по наиболее изучаемым аспектам нэпа. Автор статьи приходит к выводу, что историография последних лет объективно характеризует нэп как явление советской истории. В современном понимании новая экономическая политика не получила полной поддержки со стороны большевиков, но обусловила развитие гражданского законодательства.

Ключевые слова: большевики, историография, концессии, кооперация, новая экономическая политика, продналог, финансовая политика.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-764-776

Новая экономическая политика активно изучается современными историками, экономистами, юристами. Учёные публикуют материалы, отражающие региональную ситуацию и положение в стране в период нэпа. Л. Н. Бехтерева в монографии 2008 г., раскрывающей особенности развития предпринимательства и торговли в Удмуртии в годы нэпа, выделяет в качестве современного этапа историографии нэпа период с начала 1990-х гг. по настоящее время, отмечая многосторонний характер и объективность проведённых исследований [5, с. 5, 8]. Научная мысль не стоит на месте, что предопределяет необходимость обобщения применяющихся в настоящее время научных подходов к исследованию содержания осуществлённых большевиками в 1921–1929 гг. экономических преобразований с целью дополнения существующих аналитических обзоров по историографии нэпа. В силу этого, предметом исследования представленной статьи выступили научные публикации о нэпе, изданные во втором десятилетии XXI в. Вклад региональных учёных в осмысление специфики реализации нэпа на территории Удмуртии требует отдельного изучения.

Среди работ о нэпе, изданных за последние годы, можно выделить публикации, написанные в историографическом ключе. Так, Л. Н. Суворова делит имеющиеся труды о нэпе на марксистскую и модернизационную парадигмы исследований, установив при этом, что «логика нэповских мероприятий, сущность нэпа остаются неизменными в любой парадигме» [34, с. 126]. Иной аспект раскрывает Н. А. Коровникова, выделяющая в экономическом дискурсе 1920-х гг. два научных направления: «организационное» (или математическое) течение неокантианцев, пытавшихся примирить марксизм с эмпириомонизмом, и социальное (или диалектическое, гегельянское) течение сторонников австромарксизма. По её мнению, механицисты, относящиеся к первому направлению, понимали «производственные отношения как “пассивный рефлекс” или “подчинённый элемент” производительных сил». Идеалисты, олицетворявшие второе направление, воспринимали «природу и общество как единый организм, движение которого подчинено единым внутренним законам» [20, с. 8]. Противоборство их взглядов, как следует из работы Н. А. Коровниковой, актуализировало марксистскую концепцию, рассматривающую «производственные отношения во взаимосвязи с производительными силами»

[20, с. 11]. Наряду с аналитическими обзорами, охватывающими большую совокупность публикаций о нэпе, исследователями создаются историографические описания по конкретным проблемам нэпа. Г. И. Шишкин обратил внимание на работы, раскрывающие социальный портрет частного предпринимателя Урала [43].

Более широкий предмет изучения выбран В. Б. Шепелевой, разделяющей существующие точки зрения о потенциале и перспективах нэпа на «пессимистическое» («неизбежники») и «оптимистическое» («нэповцы-альтернативисты») направления теоретических воззрений. Первую группу образуют построения академика А. Н. Яковлева, убеждения сторонников и сознательных практиков «сталин-

ской революции сверху», суждения Ю. Н. Жуковой и Э. Карра, базирующиеся на критическом осмыслении нэпа. Природа и содержание их позиций позволили В. Б. Шепелевой обозначить три подхода, формируемые критиками «справа», критиками «слева», авторами концепции «объективистской советологии» [41, с. 103]. Второе концептуальное направление, берущее начало в идеях В. П. Ногина, Н. И. Бухарина и достигающее зрелости в трудах В. Г. Венжера, А. В. Санина, И. Ф. Гиндина, В. П. Данилова, П. В. Волобуева, как доказывает исследователь, демонстрирует внутреннее единство [41, с. 103–104]. В современных публикациях о нэпе встречаются краткие историографические обзоры. А. И. Кравченко распределяет всю совокупность научных суждений о символизме перехода к нэпу на две группы, подмечая, что одни авторы усматривают во введении нэпа «провал большевистской политики», а другие пишут о способности большевиков «выигрывать дело в любых, пусть самых неблагоприятных жизненных обстоятельствах» [21, с. 7]. Названные работы не могут быть признаны исчерпывающими исследованиями по историографии нэпа, что позволяет начать анализ современных подходов к осмыслению сущности, содержания, исторического значения нэпа.

Устойчивый интерес у российских ученых вызывают предпосылки и причины нэпа. С. А. Черноморец считает, что проблема существования пролетарского государства в начале 1920-х гг. из плоскости вооружённой борьбы перешла в экономическую сферу [39, с. 52]. Повсеместное недовольство крестьян продразвёрсткой, подкреплённое антибольшевистским восстанием матросов Кронштадта, вынудило большевиков скорректировать экономический курс [39, с. 53]. О давлении крестьянских масс, требовавших вывода коммунистов из Советов, на экономическую политику большевиков сообщает Л. А. Славнитская [33, с. 140].

От анализа причин нэпа исследователи переходят к раскрытию целевых установок рассматриваемого экономического курса. В. В. Беспалов полагает, что переход к нэпу был осуществлён для постепенного вбирания мелкотоварных крестьянских хозяйств в социалистическое организованное хозяйство [4, с. 79]. В. В. Белоцерковский трактовал нэп как путь повышения уровня жизни населения, отмечая, что выбор нового по отношению к политике «военного коммунизма» способа хозяйствования произошёл на основе пересмотра марксистских воззрений на процесс строительства социалистической экономики [3, с. 152]. С. А. Черноморец видит в нэпе не отказ большевиков от планов социалистического строительства, а вынужденную меру по удержанию политической власти. По его мнению, экономический курс 1920-х гг. представлял собой промежуточный этап в утверждении социалистических основ Советского государства и допускал применение военно-коммунистических методов управления [39, с. 52, 54]. А. В. Лосяков разделяет точку зрения многих современных учёных о том, что большевики использовали инструменты нэпа для преодоления экономического кризиса и сохранения политической власти [26, с. 20]. Он считает, что член Президиума ВСНХ Ю. Ларин (М. А. Лурье) раньше других, в январе 1920 г., на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства выдвинул идею установления натурального налога «в два раза ниже развёрстки», но не сумел заручиться поддержкой партии большевиков [26, с. 22]. Весной 1921 г. эту идею начал отстаивать Ленин. Резолюция экстренной конференции РКП(б), проходившей 26–28 мая 1921 г., стала первым партийным документом, содержащим термин «нэп» [26, с. 21–22].

Сущностью нэпа заинтересовался С. Н. Мареев, понимающий под вынужденной мерой «военный коммунизм», от которого большевики отказались, сделав выбор в пользу государственного капитализма для планомерного осуществления социалистического строительства [28, с. 139]. Государственный капитализм, согласно воззрениям учёного, утверждался параллельно с оживлением частной торговли, что позволяло установить необходимый для большевиков союз с крестьянством, т. к. «крестьянство оставалось колеблющимся классом, и судьба революции зависела от того, на чьей стороне оно окажется» [28, с. 141]. Рассмотренную точку зрения не поддерживает А. И. Кравченко, полагая, что в первой половине 1920-х гг. произошёл переход к мелкобуржуазному капитализму [21, с. 7].

А. В. Малахова, О. Б. Кевбрина убеждены, что В. И. Ленин, говоря о долгосрочности нэпа, не помышлял о вечности курса, введённого из-за крайней необходимости [27, с. 110]. Н. А. Шеуджен солидарен с теми, кто видит в нэпе временную меру, и подчеркивает, что в начале 1920-х гг. большевики выбрали путь постепенного строительства государства трудящихся [42, с. 234]. С. В. Виноградов, сравнивая «военный коммунизм» с нэпом, указывает на соответствие нэпа состоянию производительных сил в советском обществе в начале 1920-х гг. [10, с. 25]. Нэп, по мысли учёного, не следует воспринимать как ревизию утверждённого на IX съезде РКП(б) курса построения бесклассового общества с обобществлённой формой собственности [9, с. 48]. В. В. Белоцерковский отметил, что во

времена нэпа частная инициатива в аграрном производстве поддерживалась правом крестьян на аренду государственных земельных наделов [3, с. 150].

История возникновения противоположного оценочного суждения рассмотрена В. Н. Азаровым. По его мнению, представители «сменовеховского» движения, рупором которого стал Н. В. Устрялов, ранее входивший в правительство А. В. Колчака, усматривали в нэпе «“перерождение” большевистского режима, начало движения в сторону рыночной экономики и либерализации политической системы» [1, с. 115]. В. Н. Азаров уверен, что большевики, придерживаясь позиции «идеологической нетерпимости» по отношению к «сменовеховскому» движению, осознавали, что возникшие на почве нэпа ожидания неизбежной эволюции экономического строя и политического режима в сторону капиталистической экономики и буржуазной демократии способны создать благоприятные условия «для привлечения к восстановлению экономики квалифицированных специалистов, несогласных с официальной идеологией» [1, с. 115–116].

Спор о том, что знаменовал собой нэп — дальнейшее движение к социализму или возврат к капитализму — актуализирует поиск ответа на вопрос о целостности концепции экономической политики, оттеснившей «военный коммунизм». С. В. Виноградов отрицает наличие весной 1921 г. единой концепции нэпа. На примере допущения частной торговли в РСФСР, он показывает, что каждое конкретное политическое решение в рамках нэпа было обусловлено либо неэффективностью ранее принятых мер, либо являлось ответом на вновь назревшие проблемы общественного развития [10, с. 28]. Точку зрения об отсутствии единой концепции нэпа в момент перехода к нему высказывают Т. Ф. Ящук, И. Б. Данилов [46, с. 172, 184; 13, с. 35].

Переход к нэпу, по наблюдениям некоторых исследователей, чётко прослеживается по источникам права. М. А. Холодный в числе правовых основ нэпа называет Декрет ВЦИК, возложивший в феврале 1922 г. на милицию борьбу «с преступными посягательствами» в сфере государственной, кооперативной и частной собственности [38, с. 118]. В то же время, как думает учёный, установленный декретом механизм защиты частной собственности в условиях господствующей идеологии, призывавшей вести классовую борьбу с эксплуататорами, не обеспечивал рост и расширение частного сектора, т. к. под эксплуататором понимали частника или нэпмана [38, с. 118]. Н. А. Шеуджен предлагает связать верхнюю границу нэпа с временем завершения дискуссии о возможности строительства социализма в одной стране [42, с. 234]. А. А. Демичев, осознающий нэп как доктрину, выступает против попыток установления нижней и верхней границ нэпа исключительно по нормативно-правовым актам [17, с. 63].

Важным правовым достижением нэпа, согласно В. В. Беспалову, стало осуществление государственного управления в соответствии с конституционными положениями и правовыми нормами кодексов РСФСР 1922 г. [4, с. 83]. Гражданский кодекс, по оценке Д. А. Пашенцева, Н. В. Михайловой, М. И. Долаковой, признал право на существование государственной, частной и кооперативной форм собственности. В интерпретации авторов большевики применяли право в качестве инструмента достижения целей общественного развития, поэтому правовые нормы в изменяющихся реалиях подлежали перманентной корректировке с учётом новых политических и экономических задач [31, с. 6, 8].

А. А. Демичев обратил внимание на противоречие общественной жизни периода нэпа, обусловленное сложностью сочетания процессов демократизации и либерализации, охвативших сферы экономики и культуры, с централизмом, ставшим неотъемлемым атрибутом политической системы Советского государства [17, с. 63].

Современные ученые исследуют особенности восприятия нэпа большевиками. С. В. Виноградов выдвигает версию, по которой Ленин, говоря о безусловной поддержке нэпа партией большевиков в 1921 г., на самом деле не имел её. Большевики настороженно относились к нэпу из-за обязанности подчиняться воле партии, несмотря на личное неприятие партийного решения [10, с. 26–27]. Подобное предположение высказано А. В. Лосяковым, отмечая, что Ленина, неожиданно заговорившего о нэпе, «не сразу по этому поводу поддержали, на что он пригрозил своей отставкой» [26, с. 22]. Многие члены партии большевиков усматривали в нэпе отступление от социализма, что, как подмечает С. А. Черноморец, препятствовало реализации основных мероприятий нэпа [39, с. 53]. Устоявшаяся в отечественной историографии точка зрения об отрицательном отношении к нэпу значительной части большевиков нашла подтверждение в процессе изучения архивных материалов Вятской губернии. Ю. Н. Тимкин предполагает, что «непонимание нэпа обусловлено как противоречивыми высказываниями В. И. Ленина, так и крайне низким уровнем образования членов партии» на

местах [35, с. 173–175]. По сохранившейся в архивах информации установлено, что «более половины ответственных партработников [Вятской] губернии в 1921 г. едва умели читать и писать» [35, с. 175].

В поле зрения современных учёных находится реакция различных слоёв населения на нэп. А. И. Бакшеев пришёл к выводу, что «новая экономическая политика... не соответствовала ожиданиям и настроениям большинства сибиряков» [2, с. 234]. Некоторые коммунисты видели в нэпе уступку кулаку, обрекающую на гибель крестьянскую бедноту. В числе недовольных нэпом оказались и коммунистические управленцы, отстранённые в результате внедрения экономических методов управления «от гарантированных пайков и бесплатного обеспечения» [2, с. 234–235]. Сибирское крестьянство, по версии исследователя, неоднозначно относилось к нэпу, т. к. механизм сбора продналога практически не отличался от методов заготовки хлеба во времена продразвёрстки, например, в Сибири «широко применялась такая форма нажима на крестьян, как постановка войск на постой в волостях, плохо выполнявших налог» [2, с. 236]. Использование мер запугивания налогоплательщиков, восходящих к военному времени, А. И. Бакшеев связывает со стремлением советских управленцев, рекрутированных из числа вчерашних партизан, красных командиров и политработников, выполнить план по сбору установленных налогов, а также с их неприятием перемен, выразившихся в появлении дорогих магазинов и ресторанов [2, с. 237].

Документы начала 1920-х гг. убедили М. А. Холодного в том, что крестьяне с недоверием относились к нэпу, полагая, «что в своей политике власти прибегли к какой-то хитрости, подвоху на который должны были попасться самые недалёковидные и простодушные» [38, с. 121]. И. Б. Данилов настаивает на негативном восприятии крестьянством любых нововведений советской власти, в т. ч. финансовой политики. Причины отрицательного отношения крестьянства к новому курсу исследователь видит, во-первых, в антикрестьянском характере политики советского правительства, проявившемся в притеснениях, социальных репрессиях, лишениях и изъятии произведённых продуктов, во-вторых, в тяжелейшем экономическом положении деревни. Крестьянство Оренбургской губернии из-за голода 1921 г. и последующих недородов находилось в бедственном положении и с трудом несло налоговое бремя [16, с. 35–36].

Эпоха нэпа, как считает А. И. Кравченко, предъявила спрос на «мелкого хозяина, хитрого, прижимистого, грубого» [21, с. 20]. Большевики, не считаясь с порождёнными временем личными качествами сельских тружеников, пытались встроить единоличные хозяйства крестьян в социалистическую экономику, поддерживая крестьянскую кооперацию. С. Н. Мареев воспринимает кооперацию периода нэпа как «“конвергенцию” капитализма и социализма». При этом он утверждает, что крестьяне были вовлечены в кооперацию, в т. ч. торговую, ещё в довоенный период, что и позволило Ленину увидеть в ней «форму перехода к социализму» [28, с. 146]. О. М. Щербакова пишет, что взгляды экономиста-агрария А. В. Чайнова по вопросам кооперативной коллективизации повлияли на процесс формирования концепции Ленина о кооперации как способе строительства социализма. По мнению автора, Ленина «заботил социально-политический аспект кооперации» [44, с. 51–52]. И. А. Куликов уверен, что идеологически большевики противопоставляли кооперацию капиталистическому способу производства [23, с. 204–205].

Учитывая интерпретацию сущности кооперации Ленина, широкий охват крестьян кооперативным движением, а также значительный рост объёмов зерновой продукции, В. В. Белоцерковский делает вывод, что в первой половине 1920-х гг. кооперация считалась адекватной социализму формой производственных отношений [3, с. 152]. Вместе с этим исследователь упоминает, что крестьяне массово вступали в кооперативы из-за более высокой доходности кооперации по сравнению с прибылью зажиточных крестьянских хозяйств [3, с. 151–152].

А. В. Чичулин выдвигает предположение, что кооперация трудно сочеталась с создававшейся в период нэпа системой государственного регулирования национальной экономики и поведения хозяйствующих субъектов [40, с. 168, 171]. На основе анализа процесса развития потребительской, промысловой, кустарной, сельскохозяйственной и кредитной кооперации учёный заявляет о сильном вмешательстве государства в финансово-хозяйственную деятельность кооперативов [40, с. 166, 169]. В качестве аргумента исследователь приводит Декрет СНК от 26 июля 1921 г. «О средствах кооперации», установивший порядок предоставления кооперативам краткосрочных и долгосрочных ссуд. В соответствии с воззрениями А. В. Чичулина, советская власть в 1923 г. стала прилагать усилия по введению в состав кооперативов, прежде всего в органы правления, максимально возможного количества «партийных сил», а к концу 20-х гг. «кооперация... была превращена в государственную орга-

низацию, находящуюся под жёстким административным контролем партийно-государственных органов» [40, с. 168, 172, 175–176].

В историографии получил раскрытие такой аспект нэпа, как децентрализация. В. В. Беспалов обратил внимание на характерный для нэпа процесс разграничения государственной деятельности и хозяйственных функций, в результате которого последние стали составлять исключительную компетенцию совнархозов и ВСНХ [4, с. 83].

Т. Ф. Ящук подмечает, что «шаги по допущению рыночных механизмов» в хозяйственную жизнь страны в 1920-е гг. сочетались «с элементами децентрализации и демократизации» советской системы государственного управления [46, с. 184]. Но, как следует из изысканий автора, поиск территориальных моделей организации административной власти на местах не всегда соответствовал принципам децентрализации. Проект по созданию «экономически самостоятельных» краевых объединений, в рамках которого 3 ноября 1923 г. была образована Уральская область, вобравшая в себя Екатеринбургскую, Пермскую, Тюменскую и Челябинскую губернии, свидетельствует о централизации власти в границах административно-территориальной единицы, состоящей из нескольких губерний [46, с. 179]. По мнению И. Б. Данилова, децентрализация власти в период нэпа предполагала создание органов местного самоуправления, наделённых правом на самостоятельное формирование и исполнение местных бюджетов. В его интерпретации, сам по себе принцип децентрализации, положенный в основу структуры советских государственных органов власти и управления, был нововведением, т. к. «провозглашённый ранее политический курс опирался на строго противоположную идею о необходимости консолидации власти» [14, с. 35]. И. Б. Тропов, изучив порядок разграничения полномочий в системе управления хозяйством страны в 1920-е гг., сообщает, что на волостное управление возлагались задачи по развитию сельского хозяйства конкретной волости, включая «содействие различным видам кооперирования и общественной взаимопомощи; материальная поддержка беднейших слоёв сельского населения» [36, с. 84].

В. А. Кутепов признаёт управленческую реформу составляющей нэпа, которая привела к созданию партийных, государственных и хозяйственных органов власти и предоставила широкую автономию предприятиям, переведённым на хозяйственный и коммерческий расчёты. Децентрализация хозяйственного управления повлекла за собой трёхкратное сокращение Главков в организационной структуре ВСНХ, закрепив функции управления за совнархозами в границах экономических районов, трестами в сфере промышленности, руководителями на уровне предприятий [24, с. 242–243].

Современная историография затрагивает и малоизученные аспекты нэпа. А. И. Кравченко, интересуясь социальной антропологией нэпа, описывает социальный статус таких новых персонажей, как искалеченные фронтовики, отъездившие на советско-партийной работе «запасники», стремившиеся породниться со старорежимными аристократами нэпманы, разлагающаяся под влиянием соблазнов нэпа городская и служилая комсомольская прослойка [21, с. 11, 15, 16]. Некоторым фронтовикам, вернувшимся к мирной жизни, пришлось пополнить ряды безработных. Т. В. Глазунова в числе причин появления безработицы в Омске на начальном этапе нэпа называет, наряду с демобилизацией солдат Красной Армии, отмену всеобщей трудовой повинности, осуществлённую в соответствии с нормами Кодекса о труде 1922 г. [13, с. 458].

Различия в социальном статусе отдельных групп интеллигенции 1920-х гг. выявлены О. В. Золотарёвым. Учёный указывает на сотрудничество с новой властью специалистов, обладающих техническими знаниями, так наз. «спецов», а также отмечает порождённое стремлением поставить культуру на службу советской власти благосклонное отношение большевиков к творческой интеллигенции. Другие представители умственного труда составили категорию «бывших» и были отброшены «переменами в число деклассированных элементов» [18, с. 8–9]. Это обстоятельство во многом объясняется тем, что большевики выдвинули «задачу воспитания новой — социалистической — интеллигенции из крестьян и рабочих» [18, с. 10]. И. А. Куликов, опираясь на печатное слово газеты «Петроградская правда» за 1922 г., показал, что официальная идеология доводила до сознания советских граждан идею о передовой роли рабочего класса, противопоставляя его буржуазии и мелкобуржуазному крестьянству [23, с. 206, 213].

К числу результативных нововведений нэпа российские учёные единодушно относят денежную реформу 1922–1924 гг., проведённую под руководством Г. Я. Сокольников. Положительную оценку мерам, предпринятым «для решения задач стабилизации денежного оборота, борьбы с инфляцией, накопления бюджета страны», даёт С. Б. Варламова [7, с. 6]. Как полагает исследователь, успешное реформирование «не только купировало гиперинфляцию, но и способствовало возрождению российской

экономики... подготовило условия для начала индустриализации Советского Союза» [7, с. 5]. Схожую позицию занимает А. Е. Викулenco, который подчёркивает, что позитивный результат был достигнут благодаря введению стимулирующей налоговой системы, осуществлению денежной реформы, проведению гибкой финансово-кредитной политики, развитию кооперации, аренды и концессий [8, с. 9].

М. И. Воейков формулирует мысль о первостепенной значимости денежно-кредитной политики, позволившей в период нэпа создать базис для развития народного хозяйства страны. Ключевую роль в разработке финансового курса, по наблюдениям учёного, сыграл Г. Я. Сокольников, утверждавший, что «поднять промышленность и социализированный сектор экономики можно только на основе развития крестьянского хозяйства, которое поставляет сырьё для промышленности и сельскохозяйственный продукт для городских рабочих и служащих» [11, с. 161, 165]. Однако желаемая смычка города и деревни не могла быть достигнута без повышения покупательной способности рубля. Средством укрепления рубля стало золотое обеспечение национальной валюты, вводимое по особым правилам. М. И. Воейков так изложил точку зрения Г. Я. Сокольникова: «Золотое обеспечение можно вводить не в любое время, а когда достигнута известная сбалансированность бюджета, иными словами, когда доходы бюджета равняются его расходам и доходы от эмиссии, по крайней мере, не превышают доходов бюджета по другим источникам» [11, с. 165, 167]. Учёный доказывает, что Г. Я. Сокольников отдавал первенство финансовой сбалансированности, после достижения которой планировал выстраивать приемлемые для советского общества «материально-вещественные пропорции» [11, с. 170].

По суждению А. А. Новосельцева, развитию товарно-денежных отношений в условиях нэпа «в немалой степени способствовали отмена натуральных пайков, бесплатного пользования транспортом, коммунальными услугами, возврат к выплате заработной платы только деньгами» [30, с. 164].

Н. В. Липчиу, К. А. Гавриленко называют важнейшей составляющей хозяйственной жизни Советского государства времён нэпа союзный бюджет, предназначенный для финансирования общесоюзных нужд в области обороны, хозяйственного строительства, культуры [25, с. 126]. Изыскания И. Б. Данилова дают понять, что бюджетное планирование в период нэпа осуществлялось в неблагоприятных финансовых условиях из-за «высоких темпов инфляции» и существования «нескольких курсов рубля» [15, с. 72].

Мгновенное и бурное развитие малого бизнеса в период нэпа, с точки зрения А. А. Демичева, предопределили существовавший в годы «военного коммунизма» чёрный рынок и уверенность населения в неизбежности отмены запретов на свободу частной экономической инициативы и деятельности [17, с. 64]. В. А. Кутепов соглашается с тем, что нэп стимулировал рост частнохозяйственной инициативы, и сообщает, что Центральное статистическое управление «в марте 1923 г. ... зарегистрировало в европейской России 165781 промышленное предприятие, из которых 88 % принадлежало частникам, 3 % — кооператорам и 7 % — государству; остальные относились к иностранным концессиям» [24, с. 3].

Современные учёные активно изучают концессионную политику большевиков. А. Б. Краснов к новациям хозяйственного сотрудничества с иностранными компаниями относит содержание концессионных соглашений. Советская власть, изыскивая ресурсы для создания индустриальной базы страны, предъявляла потенциальным концессионерам требование «об использовании... наиболее современных методов и технологий при производстве продукции» [22, с. 110]. Труд Н. С. Ившина подтверждает появление в период нэпа форм государственно-капиталистических отношений. По его наблюдениям, если финансовой основой чистой концессии выступал иностранный капитал, то смешанная концессия создавалась на основе «совместного капитала — иностранного и российского (государственного или кооперативного)» [19, с. 42].

По версии К. С. Ядрышникова, Ленин, вводя нэп, планировал через определённое время начать «экономический террор» [45, с. 140]. И. А. Куликов предполагает, что в 1920-е гг. произошло расширение сфер взаимодействия противостоящих друг другу сторонников советской власти и буржуазных элементов [23, с. 201]. Арсенал сдерживания эксплуатации человека человеком в условиях нэпа, как констатирует М. А. Холодный, включал силовые, налоговые, финансово-кредитные меры [38, с. 119].

З. Г. Салкасанов, Р. Э. Кесаева обратили внимание на развитие сети инвалидных домов в период нэпа, где люди с ограниченными возможностями содержались за счёт государственных, общественных средств, а также средств социального страхования. Финансовая основа учреждений социальной защиты противопоставлялась буржуазной благотворительности, которую публично осуждали в прессе за презрение буржуазных благодетелей к несчастным, присущее им филантропство, порождённое тщеславием, самолюбием или осуществляемое ради собственного удовольствия [32, с. 66–67].

По мнению В. С. Виноградова, Ленин нашёл верную формулу взаимодействия общественных групп, тем самым предопределив результативность нэпа [10, с. 26]. И. Л. Боровлева уверена, что советское правительство «стремилось обеспечить общедоступный, дешёвый кредит трудящемуся крестьянству» посредством организации деятельности центрального сельскохозяйственного банка и сети кредитных товариществ [6, с. 55]. Успех нэпа, следуя мысли Т. Ф. Яшук, продемонстрировали выборы в Советы, проведённые осенью 1925 г. и отличавшиеся хорошей явкой избирателей. Исследователь констатирует, что «экономическая стабилизация, лояльная налоговая политика формировали благоприятный социально-экономический фон для смены электорального поведения крестьянства» [46, с. 178].

А. В. Малахова, О. Б. Кевбрина связывают возникновение экономических кризисов в период нэпа с недостатками структурной и ценовой политики государства. Так, кризис сбыта промышленных товаров 1923 г., обусловленный дороговизной, удалось преодолеть путём снижения цен на товары промышленного производства. В 1925 и 1927 гг. разразились хлебозаготовительные кризисы, устранённые «при помощи административно-репрессивных мер» [27, с. 109]. Если А. В. Малахова, О. Б. Кевбрина выявили преобладание бывших управленцев и служащих в общей совокупности безработных в период нэпа, то Ю. В. Мироненко и С. В. Богданов сообщают о массовом вовлечении советского чиновничества в коррупционные преступления [27, с. 109; 28, с. 110]. С точки зрения последних, коррупцию тех лет не следует связывать исключительно с проникновением в государственный аппарат «замаскированных врагов» — мелкобуржуазных элементов, поскольку «взятничество среди государственных служащих периода нэпа являлось специфической формой приспособления к кардинально изменившимся социально-экономическим реалиям общества» [29, с. 110]. По мнению соавторов, можно говорить о формировании устойчивого круга хозяйственных преступников, т. к. из общей совокупности чиновников, уличённых в хозяйственных преступлениях в 1924–1926 гг., 80 % ранее были осуждены за аналогичные преступления. Синхронно с появлением предпринимательства, как признают учёные, в период нэпа возродились не только взяточничество и коррупция, но и спекуляция, контрабанда, финансовые махинации, уклонение от уплаты налогов, нелегальная экономика [29, с. 110–111].

К. Г. Гаврилов, Н. И. Свечников, Л. Ю. Федосеева доказывают, что все виды экономических преступлений, которые имели место в годы нэпа, «имеют основной причиной ошибки государственной политики в сфере регулирования предпринимательской деятельности» [12, с. 4]. В условиях налогового террора, когда «изымалось до 90 % доходов частных предпринимателей», частный капитал в нэповской России искал незаконные и полуполезальные способы получения прибыли [12, с. 7]. Вдобавок, вышеупомянутый коллектив авторов подвергает критике состав законодательной базы предпринимательства за ущемление частнохозяйственных отношений [12, с. 8–9]. М. А. Холодный, отталкиваясь от норм Гражданского кодекса, запрещавших существование частной собственности на землю, делает вывод об ограниченности прав собственности в РСФСР эпохи нэпа [38, с. 122–123]. В середине 1920-х гг., согласно позиции учёного, «права собственности получили заметно большую защиту закона», что проявилось в распространении правовой защиты на наследование авторских прав и патентов на изобретения, отмене максимума на наследование и дарение собственности [38, с. 61].

Политическим результатом нэпа, как полагает С. А. Черноморец, стало снижение уровня антисоветских настроений у населения. Вместе с тем сворачивание нэпа, по воззрениям исследователя, отвечало логике развития социалистической государственности, т. к. «коммунистический режим и новая экономическая политика с её законами свободного рынка были несовместимы» [39, с. 55–56]. Н. А. Шеуджен соотносит сворачивание нэпа с победой И. В. Сталина в борьбе за политическую власть и началом строительства социализма в одной стране [42, с. 234–235]. М. А. Фельдман, рассматривая нэп на его завершающем этапе, устанавливает, что «само развитие социалистических форм хозяйства для И. В. Сталина априори означало вытеснение из экономики “тысяч и тысяч мелких и средних торговцев” и предпринимателей всех видов», поэтому, несмотря на удовлетворительную оценку результатов и перспектив нэпа, данную участниками июльского Пленума ЦК ВКП(б) 1928 г., «частнохозяйственные формы торговли и промышленности приобрели остаточный характер» по итогам инициированной Сталиным кампании насилия с участием ОГПУ, местных советских и партийных структур [37, с. 174, 182].

Таким образом, концепция и содержание нэпа, вопросы правового регулирования частной собственности, причины введения и сворачивания нэпа, реакция социума на изменения в экономическом курсе и характер его влияния на развитие советского общества в 1920-е гг. составляют основные аспекты научных исследований проблем нэпа, опубликованных во втором десятилетии XXI в. Современная на-

учная мысль показывает многогранность нэпа, актуализируя выполнение историографических обзоров. Весомый вклад в развитие историографии нэпа внесли Л. Н. Суворова, Н. А. Коровникова, В. Б. Шепелева, в оригинальных работах которых прослеживается стремление осуществить группировку умозаключений о нэпе разных лет по отдельным классификационным признакам. Не умаляя достижений названных учёных, отметим, что в перспективе научно-практическую значимость будут иметь историографические исследования, систематизирующие научные изыскания по вопросам специфики структурных элементов и функциональных связей нэпа как сложной системы. Конструктивной представляется постановка вопроса об использовании системного подхода к написанию историографии нэпа.

Проведенный в настоящей статье историографический обзор позволяет утверждать, что современные учёные, размышляя о сущности нэпа, приходят к суждениям, соотносящимся с градацией историографических воззрений о нэпе А. И. Кравченко. Многие исследователи (В. В. Беспалов, С. В. Виноградов, С. Н. Мареев, С. А. Черноморец, Н. А. Шеуджен) ассоциируют нэп с политическим курсом большевиков на строительство социализма.

Хорошие перспективы с научной точки зрения для всех интересующихся нэпом рисует положение, присутствующее в работах С. В. Виноградова, И. Б. Данилова, Т. Ф. Яцук, об оперативном подходе большевиков к выбору форм, методов и инструментов воздействия на общество и экономику, составивших содержание нэпа. Данное научное заключение открывает простор для изучения всех граней и проявлений нэпа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азаров В. Н.* «Сменевеховское» движение и реалии советского общества 1920-х годов // Научный диалог. 2018. № 6. С. 114–123.
2. *Бакшеев А. И.* Проблемы советской демократии в Сибири периода нэпа // Вестн. КрасГАУ. 2013. № 5 (80). С. 233–238.
3. *Белоцерковский В. В.* Ненависть к Ленину — дебилизация России // Свободная мысль. М.: Политиздат, 2017. № 5 (1665) С. 145–154.
4. *Беспалов В. В.* Исторический опыт становления и развития (эволюции) государственного и военного управления России в период с 1917 – до середины 1960-х годов: монография. М.: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2012. 367 с.
5. *Бехтерева Л. Н.* Торговля и предпринимательство Удмуртии в период новой экономической политики (1921–1929 гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. 272 с.
6. *Боровлева И. Л.* Кредитование и налогообложение сельского хозяйства в период нэпа // Региональный вестник. 2019. № 17 (32). С. 55–56.
7. *Варламова С. Б.* Успешный российский опыт временного возврата к золотомонетному стандарту как инструменту обуздания гиперинфляции // Финансовые рынки и банки. 2018. № 1. С. 5–8.
8. *Викуненко А. Е.* Задачи совершенствования налоговой системы России // Актуальные проблемы экономики и управления. 2018. № 1 (17). С. 8–16.
9. *Виноградов С. В.* Дискуссии о введении новой экономической политики: современный взгляд // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Сер.: Отечественная история. 2017. № 4 (53). С. 44–49.
10. *Виноградов С. В.* Начальный период новой экономической политики: теоретические дискуссии и практические результаты (март–декабрь 1921 г.) // Вестн. Калмыцкого ун-та. 2016. № 2 (30). С. 24–31.
11. *Войков М. И.* Денежная реформа 1924 г. и роль Г. Я. Сокольникова // Экономическая наука современной России. 2014. № 3 (66). С. 161–172.
12. *Гаврилов К. Г., Свечников Н. И., Федосеева Л. Ю.* Криминологические особенности правонарушений в сфере предпринимательской деятельности в период новой экономической политики (1921–1929 гг.) // Актуальные проблемы истории, политики и права: сб. ст. V Всерос. науч.-практ. конф. (16–17 нояб. 2017 г.). Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-т, 2017. С. 3–10.
13. *Глазунова Т. В.* Борьба с безработицей в период нэпа: омская специфика // Россия и мировые тенденции развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (13–15 мая 2019 г.) / науч. ред. П. Г. Макухин. Омск: Омский гос. техн. ун-т, 2019. С. 457–461.
14. *Данилов И. Б.* Институт регулирующих доходов как причина перманентного дефицита местных бюджетов в период нэпа // Развитие территорий. 2018. № 1 (11). С. 35–39.
15. *Данилов И. Б.* Проблема финансовой несамостоятельности местных бюджетов в период нэпа // Вестн. Омского ун-та. Сер.: Право. 2011. № 4 (29). С. 72–78.
16. *Данилов И. Б.* Формирование волостных бюджетов в период нэпа. Законодательство и практика реализации // Вестн. Омского ун-та. Сер.: Право. 2013. № 2 (35). С. 34–39.
17. *Демичев А. А.* Период нэпа в российской истории через призму хронодискретного подхода // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 62–64.

18. *Золотарев О. В.* Нэп, власть и интеллигенция // Вестн. Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3. С. 5–13.
19. *Ивишин Н. С.* Институционально-организационное обеспечение концессионной деятельности в России в годы нэпа // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8 (93). С. 35–43.
20. *Коровникова Н. А.* Современные российские экономисты о советской экономической мысли 1920-х гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2: Экономика. 2019. № 4. С. 7–11.
21. *Кравченко А. И.* Тревожный нэп: попутчики и агитаторы революции // Научный журнал Дискурс. 2018. № 4 (18). С. 7–24.
22. *Краснов А. Б.* Некоторые особенности государственно-правового регулирования концессий в период подготовки и реализации нэп // Вестн. гос. ун-та Дубна. Сер.: Науки о человеке и обществе. 2018. Т. 1, № 1. С. 105–110.
23. *Куликов И. А.* Отражение социальных противоречий нэпа в языке официальной пропаганды: исторический анализ лексических изменений 1920-х гг. // Вспомогат. исторические дисциплины. 2016. № 35. С. 201–227.
24. *Кутепов В. А.* От военного коммунизма к новой экономической политике (нэп) 1921–1928 гг. // Омские социально-гуманитарные чтения: материалы XI междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию факультета гуманитарного образования Омск. гос. техн. ун-та (24–26 апр. 2018 г.) / отв. ред. Л. А. Кудринская. Омск: Омск. гос. техн. ун-т, 2018. С. 1–6.
25. *Липчу Н. В., Гавриленко К. А.* Проблемы становления и развития бюджетной системы СССР // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. VII междунар. науч.-практ. конф. (15 нояб. 2017 г.): в 4 ч. Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 125–127.
26. *Лосяков А. В.* О некоторых политических, правовых и экономических аспектах введения нэпа в 1921 году // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 4 (55). С. 20–23.
27. *Малахова А. В., Кевбрина О. Б.* Владимир Ильич Ленин о новой экономической политике (нэпе) // Инновационная наука. 2016. № 11–3. С. 108–111.
28. *Мареев С. Н.* Ленинская теория социалистической революции // Свободная мысль. 2017. № 3 (1663). С. 139–148.
29. *Мироненко Ю. В., Богданов С. В.* Налоговые преступления и теневая экономика в Советской России в 1920-е годы: историко-правовой анализ // Инновационная наука. 2016. № 11–3. С. 108–111.
30. *Новосельцев А. А.* Историко-криминалистические аспекты борьбы с фальшивомонетничеством в годы гражданской войны и первых лет советской власти // Вестн. Брянского гос. ун-та. 2013. № 2. С. 161–165.
31. *Пащенко Д. А., Михайлова Н. В., Долакова М. И.* Правовые основы реализации финансово-экономической политики государства в период нэпа / Некоммерческое партнерство «Евразийский центр сравнительных исследований» // Юридическая наука. 2017. № 2. С. 5–8.
32. *Салкасанов З. Г., Кесаева Р. Э.* Деятельность центрального и отраслевого аппаратов советской власти в предоставлении социальной помощи населению // Вестн. Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Сер.: Общественные науки. 2016. № 4. С. 64–68.
33. *Славнитская (Комогорова) Л. А.* О взаимоотношении крестьянства и местных властей Урала и Южного Зауралья в годы нэпа // Фундаментальные проблемы социально-экономического развития общества: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Десятые Ямбургские чтения» (Кингисепп, 10 апр. 2015 г.). СПб.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 2015. С. 140–143.
34. *Суворова Л. Н.* Нэп: размышления о парадигмах и парадоксах // Вестн. образовательного консорциума. Среднерусский ун-т. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. № 14. С. 125–126.
35. *Тимкин Ю. Н.* Отношение к новой экономической политике в партийных организациях РКП(б) Вятской губернии в 1921–1923 гг. по архивным материалам // Вестн. архивиста. 2020. № 1. С. 169–175.
36. *Тропов И. А.* Волостные органы советской власти в условиях введения местных бюджетов (первая половина 1920-х гг.) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. (17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. В. М. Скворцова; отв. ред. В. А. Веремеенко. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2016. С. 1–4.
37. *Фельдман М. А.* Кем была одержана победа? К вопросу о результатах дискуссии на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Россия и современный мир. 2018. № 4 (101). С. 169–184.
38. *Холодный М. А.* Советская бюрократия и эволюция крестьянской собственности в 1921–1927 гг. // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики: сб. ст. / отв. ред. С. В. Виноградов. М., 2014. С. 118–129.
39. *Черноморец С. А.* К вопросу о природе новой экономической политики в механизме становления социалистической государственности // Вестн. Саратовской гос. юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 51–57.
40. *Чичулин А. В.* Исторический опыт законодательной политики центральных органов власти в области кооперативного движения в годы «военного коммунизма» и новой экономической политики // Государство и общество в условиях модернизации: коллектив. монография / Е. В. Безвиконная, А. А. Любимов, Е. В. Пыхтеев, Н. А. Седельникова [и др.]. Омск: ООО «Полиграф. центр КАН», 2015. С. 159–181.
41. *Шепелева В. Б.* Нэп, сталинизм и советская катастрофа: коллизии современной историографии // Вестн. Омского ун-та. Сер.: Исторические науки. 2018. № 1 (17). С. 102–108.

42. *Шеуджен Н. А.* Особенности «новой экономической политики» // *Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 20 мая 2016 г.).* Краснодар: Изд-во Краснодарск. ун-та МВД России, 2017. С. 232–235.
43. *Шишкин Г. И.* Социальный портрет уральского частного предпринимателя в период нэп в современной историографии // *Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIV Всерос. науч. конф. (16–17 нояб. 2020 г.): в 2 т.* Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 505–510.
44. *Щербакова О. М.* Государственный план электрификации России о развитии сельского хозяйства страны // *Манускрипт.* 2018. № 8 (94). С. 49–53.
45. *Ядрышников К. С.* Правовой аспект денежной реформы 1921–1924 гг. как фундамент советской кредитной системы периода нэпа // *Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (24 мая 2013 г.).* Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. техн. ун-та им. Р. Е. Алексеева, 2013. С. 138–140.
46. *Яцук Т. Ф.* Реформы местного управления в РСФСР в 1920-е годы // *Lex russica (Русский закон).* 2017. № 10 (131). С. 171–186.

Поступила в редакцию 28.04.2021

Клёцкина Ольга Геннадьевна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: gi_ru@mail.ru

O. G. Kletskina

NEW ECONOMIC POLICY: SOME ASPECTS OF MODERN STUDIES

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-764-776

The article is devoted to the study of individual publications of the second decade of the 21st century on topical issues of the new economic policy. The presented historiographic review is based on the works of historians, lawyers, economists interested in the new economic policy. The points of view of researchers have been compared according to some interrelated components of NEP. The study has revealed an increased interest of Russian scientists in the content and consequences of NEP. At the same time, the published works on the historiography of NEP are not exhaustive. The article contains the author's conclusions, summarizing the results of the researches made by modern home-grown scientists on the most studied aspects of NEP. The author of the article comes to the conclusion that the historiography of recent years objectively characterizes NEP as a phenomenon of Soviet history. In the modern sense, the new economic policy has not received the full support from the Bolsheviks, but determined the development of civil legislation.

Keywords: bolsheviks, historiography, concessions, cooperation, new economic policy, food tax, financial policy.

REFERENCES

1. *Azarov V. N.* “Smenovekhovskoe” dvizhenie i realii sovetskogo obshchestva 1920-h godov [“Smenovekhovtsy” movement and realities of Soviet society of 1920-ies]. *Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]*, 2018, no. 6, pp. 114–123. (In Russian).
2. *Bakshiev A. I.* Problemy sovetskoj demokratii v Sibiri perioda nepa [The Soviet democracy problems in Siberia in new economic policy period]. *Vestnik KrasGAU [Bulletin of KSAU]*, 2013, no. 5 (80), pp. 233–238. (In Russian).
3. *Belocerkovskij V. V.* Nenavist’ k Leninu — debilizaciya Rossii [Hatred of Lenin is debilization of Russia]. *Svobodnaya mysl’ [Free thought]*. Moscow, “Politizdat” Publ., 2017, no. 5 (1665), pp. 145–154. (In Russian).
4. *Bespalov V. V.* Istoricheskij opyt stanovleniya i razvitiya (evolyucii) gosudarstvennogo i voennogo upravleniya Rossii v period s 1917 – do serediny 1960-h godov: monogr. [Historical experience of the formation and development (evolution) of the state and military administration of Russia in the period from 1917 to the mid-1960s.: monograph]. Moscow, Modern Humanitarian University Press, 2012, 367 p. (In Russian).
5. *Bekhtereva L. N.* Torgovlya i predprinimatel’stvo Udmurtii v period novoj ekonomicheskoy politiki (1921–1929 gg.) [Trade and entrepreneurship of Udmurtia during the period of the new economic policy (1921–1929)]. Izhevsk, Ed of the Udmurt Institute of History, Language and Literature Ural Branch of the RAS, 2008, 272 p. (In Russian).
6. *Borovleva I. L.* Kreditovanie i nalogooblozhenie sel’skogo hozyajstva v period nepa [Crediting and taxation of agriculture during the NEP period]. *Regional’nyj vestnik [Regional bulletin]*, 2019, no. 17 (32), pp. 55–56. (In Russian).

7. *Varlamova S. B.* Uspeshnyj rossijskij opyt vremennogo vozvrata k zolotomonetnomu standartu kak instrumentu obuzdaniya giperinfljatsii [Successful Russian experience of temporary return to the gold coin standard as a tool to curb hyperinflation]. *Finansovyje rynki i banki* [Financial markets and banks], 2018, no. 1, pp. 5–8. (In Russian).
8. *Vikulenko A. E.* Zadachi sovsheštenstvovaniya nalogovoj sistemy Rossii [Problems of improvement of tax system of Russia]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya* [Actual problems of economics and management], 2018, no. 1 (17), pp. 8–16. (In Russian).
9. *Vinogradov S. V.* Diskussii o vvedenii novej ekonomicheskoj politiki: sovremennyj vzglyad [The discussions about the introduction of a new economic policy: the modern view]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. Seriya Otechestvennaya istoriya* [Caspian region: politics, economics, culture. Series Patriotic History], 2017, no. 4 (53), pp. 44–49. (In Russian).
10. *Vinogradov S. V.* Nachal'nyj period novej ekonomicheskoj politiki: teoreticheskie diskussii i prakticheskie rezul'taty (mart–dekabr' 1921 g.) [The first period of the new economic policy: theoretical discussions and practical results (March – December 1921)]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University], 2016, no. 2 (30), pp. 24–31. (In Russian).
11. *Voejkov M. I.* Denezhnaya reforma 1924 g. i rol' G. Ya. Sokol'nikova [The monetary reform of 1924 and function of G. Y. Sokolnikov]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* [Economics of contemporary Russia], 2014, no. 3 (66), pp. 161–172. (In Russian).
12. *Gavrilov K. G., Svechnikov N. I., Fedoseeva L. Yu.* Kriminologicheskie osobennosti pravonarushenij v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti v period novej ekonomicheskoj politiki (1921–1929 gg.) [Criminological features of offenses in the sphere of entrepreneurial activity during the new economic policy (1921–1929)]. *Aktual'nye problemy istorii, politiki i prava: sb. st. V Vseros. nauch.-prakt. konf. (16–17 noyabrya 2017 g.)* [Actual problems of history, politics and law: a collection of articles of the V All-Russian scientific and practical conference (November 16–17, 2017)]. Penza, Penza State Agrarian University Press, 2017, pp. 3–10. (In Russian).
13. *Glazunova T. V.* Bor'ba s bezraboticej v period nepa: omskaya specifika [The fight against unemployment in the NEP period: Omsk specifics]. *Rossiya i mirovye tendencii razvitiya: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (13–15 maya 2019 g.) / nauch. red. P. G. Makuhin* [Russia and world development trends: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (May 13–15, 2019) / ed. by P. G. Makukhin]. Omsk, Omsk State Technical University Press, 2019, pp. 457–461. (In Russian).
14. *Danilov I. B.* Institut reguliruyushchih dohodov kak prichina permanentnogo deficita mestnyh byudzhetov v period nepa [Institute of Regulatory Income as a Cause of Permanent Local Budget deficiency in the period of NEPa]. *Razvitie territorij* [Development of Territories], 2018, no. 1(11), pp. 35–39. (In Russian).
15. *Danilov I. B.* Problema finansovoj nesamostoyatel'nosti mestnyh byudzhetov v period nepa [The problem of financial dependence of local budgets during the NEP period]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2011, no. 4 (29), pp. 72–78. (In Russian).
16. *Danilov I. B.* Formirovanie volostnyh byudzhetov v period nepa. Zakonodatel'stvo i praktika realizacii [Creating a rural municipality budget during NEP: Law and practice of implementation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2013, no. 2 (35), pp. 34–39. (In Russian).
17. *Demichev A. A.* Period nepa v rossijskoj istorii cherez prizmu hronodiskretnogo podhoda [The period of the new economic policy in Russian history through the prism of a chronodiscrete approach]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 3 (43), pp. 62–64. (In Russian).
18. *Zolotarev O. V.* Nep, vlast' i intelligenciya [New economic policy, authorities and the intelligentsia]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences], 2019, no. 3, pp. 5–13. (In Russian).
19. *Ivshin N. S.* Institucional'no-organizacionnoe obespechenie koncessionnoj deyatel'nosti v Rossii v gody nepa [Institutional and organizational support for concession activities in Russia during the new economic policy (NEP)]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2018, no. 8 (93), pp. 35–43. (In Russian).
20. *Korovnikova N. A.* Sovremennye rossijskie ekonomisty o sovetskoj ekonomicheskoj mysli 1920-h gg. [Contemporary Russian economists on Soviet economic thought in the 1920s.]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2: Ekonomika* [Social sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 2: Economy], 2019, no. 4, pp. 7–11. (In Russian).
21. *Kravchenko A. I.* Trevozhnyj nep: poputchiki i agitatory revolyucii [Disturbing NEP: fellow travelers and agitators of the revolution]. *Nauchnyj zhurnal Diskurs* [Scientific journal Discourse], 2018, no. 4 (18), pp. 7–24. (In Russian).
22. *Krasnov A. B.* Nekotorye osobennosti gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya koncessij v period podgotovki i realizacii nep [Some features of state-legal regulation of concessions during the preparation and implementation of the NEP]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta Dubna. Seriya Nauki o cheloveke i obshchestve* [Bulletin of the State University "Dubna". Series of Science of Man and Society], 2018, vol. 1, no. 1, pp. 105–110. (In Russian).
23. *Kulikov I. A.* Otrazhenie social'nyh protivorechij nepa v yazyke oficial'noj propagandy: istoricheskij analiz leksicheskikh izmenenij 1920-h gg. [Social contradictions of the NEP era manifested through official propaganda: historical analysis of lexical changes in the 1920s.]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny / Sankt-Peterburgskij*

- institut istorii RAN [Auxiliary historical disciplines / St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 35, pp. 201–227. (In Russian).
24. *Kutepov V. A.* Ot voennogo kommunizma k novoj ekonomicheskoj politike (nep) 1921–1928 gg. [From War Communism to the New Economic Policy (NEP) 1921–1928]. Omskie social'no-gumanitarnye chteniya: mater. XI mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 25-letiyu fakul'teta gumanitarnogo obrazovaniya Omsk. gos. tekhnich. un-ta (24–26 apr. 2018 g.) / otv. red. L. A. Kudrinskaya [Omsk social and humanitarian readings: materials of the 11th international scientific and practical conference, dedicated to 25th anniversary of the Faculty of Humanities Education of Omsk State Technical University (April 24–26, 2018) / ed. by L. A. Kudrinskaya]. Omsk, Omsk State Technical University Press, 2018, pp. 1–6. (In Russian).
25. *Lipchiu N. V., Gavrilenko K. A.* Problemy stanovleniya i razvitiya byudzhetoj sistemy SSSR [Problems of formation and development of the budget system of the USSR]. Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sb. st. VII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (15 noyabrya 2017 g.): v 4-h ch. [Fundamental and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations: collection of articles of the 7th international scientific and practical conference (November 15, 2017): in 4 parts]. Penza, "Nauka i prosveshchenie" Publ., 2017, pp. 125–127. (In Russian).
26. *Losyakov A. V.* O nekotoryh politicheskikh, pravovykh i ekonomicheskikh aspektah vvedeniya nepa v 1921 godu [On some political, legal and economic aspects of the introduction of the NEP in 1921]. Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata [Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries], 2019, no. 4 (55), pp. 20–23. (In Russian).
27. *Malahova A. V., Kevbrina O. B.* Vladimir Il'ich Lenin o novoj ekonomicheskoj politike (nepe) [Vladimir Ilyich Lenin on the new economic policy (NEP)]. Innovacionnaya nauka [Innovation Science], 2016, no. 11–3, pp. 108–111. (In Russian).
28. *Mareev S. N.* Leninskaya teoriya socialisticheskoy revolyucii [Lenin's theory of socialist revolution]. Svobodnaya mysl' [Free thought], 2017, no. 3 (1663), pp. 139–148. (In Russian).
29. *Mironenko Yu. V., Bogdanov S. V.* Nalogovye prestupleniya i tenevaya ekonomika v Sovetskoj Rossii v 1920-e gody: istoriko-pravovoj analiz [Tax crimes and the shadow economy in Soviet Russia in the 1920s: historical and legal analysis]. Innovacionnaya nauka [Innovation Science], 2016, no. 11–3, pp. 108–111. (In Russian).
30. *Novosel'cev A. A.* Istoriko-kriminalisticheskie aspekty bor'by s fal'shivomonetnichestvom v gody grazhdanskoj vojny i pervyh let sovetskoj vlasti [Historical and criminalistic aspects of fight against counterfeiting in the years of Civil War and the first years of Soviet power]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk State University], 2013, no. 2, pp. 161–165. (In Russian).
31. *Pashencev D. A., Mihajlova N. V., Dolakova M. I.* Pravovye osnovy realizacii finansovo-ekonomicheskoj politiki gosudarstva v period nepa / Nekommercheskoe partnerstvo "Evrazijskij centr sravnitel'nyh issledovanij" [Legal basis for the implementation of the financial and economic policy of the state during the NEP period / Non-profit partnership "Eurasian Center for Comparative Research"]. Yuridicheskaya nauka [Legal Science], 2017, no. 2, pp. 5–8. (In Russian).
32. *Salkasanov Z. G., Kesaeva R. E.* Deyatel'nost' central'nogo i otraslevogo apparatov sovetskoj vlasti v predostavlenii social'noj pomoshchi naseleniyu [The activity of the central and sectoral apparatus of the Soviet power in providing social assistance to the population]. Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Hetagurova. Seriya Obshchestvennye nauki [Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. Series Social Sciences], 2016, no. 4, pp. 64–68. (In Russian).
33. *Slavnitskaya (Komogorova) L. A.* O vzaimootnoshenii krest'yanstva i mestnyh vlastej Urala i YUzhnogo Zaural'ya v gody nepa [On the relationship between the peasantry and the local authorities of the Urals and the Southern Trans-Urals during the NEP years]. Fundamental'nye problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: istoriya i sovremennost': mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Desyatye Yamburgskie chteniya" (Kingisepp, 10 apr. 2015 g.) / Kingiseppskij filial Leningr. gos. un-ta (LGU) im. A. S. Pushkina [Fundamental problems of the socio-economic development of society: history and modernity: materials of the international scientific and practical conference "Tenth Yamburg readings" (Kingisepp, April 10, 2015) / Kingisepp branch of the Leningrad State University (LSU) named after A.S. Pushkin]. St. Petersburg, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 2015, pp. 140–143. (In Russian).
34. *Suvorova L. N.* Nep: razmyshleniya o paradigmah i paradokсах [NEP: Reflections on Paradigms and Paradoxes]. Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma. Srednerusskij universitet. Seriya Gumanitarnye nauki [Educational consortium bulletin. Central Russian University. Series Humanities], 2019, no. 14, pp. 125–126. (In Russian).
35. *Timkin Yu. N.* Otnoshenie k novoj ekonomicheskoj politike v partijnykh organizacijah RKP(b) Vyatskoj gubernii v 1921–1923 gg. po arhivnym materialam [Attitude to the new economic policy in the RCP (b) party organizations of the Vyatka gubernia in 1921–1923: archival materials]. Vestnik arhivista [Bulletin of an archivist], 2020, no. 1, pp. 169–175. (In Russian).
36. *Tropov I. A.* Volostnye organy sovetskoj vlasti v usloviyah vvedeniya mestnyh byudzhetov (pervaya polovina 1920-h gg.) [Vlost government authorities of Soviet power in the context of implemetation of local budgets (first half of the 1920s)]. Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i

- sovremennost': mater. mezhdunar. nauch. konf. (17–19 marta 2016 g.) / pod obshch. red. V. M. Skvorcova; otv. red. V. A. Veremenko [The material factor and entrepreneurship in the everyday life of the population of Russia: history and modernity: materials of an international scientific conference (March 17–19, 2016) / under total. ed. V. M. Skvortsova; ed. by V. A. Veremenko]. St. Petersburg, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 2016, pp. 1–4. (In Russian).
37. *Fel'dman M. A.* Kem byla oderzhana pobeda? K voprosu o rezul'tatah diskussii na iyul'skom (1928 g.) Plenumе CK VKP(b) [Who won? On the question about the results of the discussion at the July (1928) Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist party (b)]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the contemporary world], 2018, № 4 (101), pp. 169–184. (In Russian).
38. *Holodnyj M. A.* Sovetskaya byurokratiya i evolyuciya krest'yanskoj sobstvennosti v 1921–1927 gg. [Soviet bureaucracy and the evolution of peasant property in 1921–1927]. Al'ternativy bol'shevistskoj modernizacii v gody novoj ekonomicheskoy politiki: sb. / otv. red. S. V. Vinogradov [Alternatives to Bolshevik modernization in the years of the new economic policy: collection / ed. by S. V. Vinogradov]. Moscow, [n. a.], 2014, pp. 118–129. (In Russian).
39. *Chernomorec S. A.* K voprosu o prirode novoj ekonomicheskoy politiki v mekhanizme stanovleniya socialisticheskoy gosudarstvennosti [The nature new economic policy in the mechanism of formation of the socialist state]. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2016, no. 2 (109), pp. 51–57. (In Russian).
40. *Chichulin A. V.* Istoricheskij opyt zakonodatel'noj politiki central'nyh organov vlasti v oblasti kooperativnogo dvizheniya v gody "voennogo kommunizma" i novoj ekonomicheskoy politiki [Historical experience of the legislative policy of the central authorities in the field of the cooperative movement during the years of "war communism" and the new economic policy]. Gosudarstvo i obshchestvo v usloviyah modernizacii: kolektiv. monogr. / E. V. Bezikonnaya, A. A. Lyubimov, E. V. Pyhteev, N. A. Sedel'nikova [i dr.] [State and society in the context of modernization: collective monograph / E. V. Bezikonnaya, A. A. Lyubimov, E. V. Pykhteev, N. A. Sedelnikova [and others]]. Omsk, OOO "Poligraf. centr KAN" Publ., 2015, pp. 159–181. (In Russian).
41. *Shepeleva V. B.* Nep, stalinizm i sovetskaya katastrofa: kollizii sovremennoj istoriografii [NEP, Stalinism and Soviet accident: Collisions of Modern Historiography]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki [Bulletin of Omsk University. Series Historical studies], 2018, no. 1 (17), pp. 102–108. (In Russian).
42. *Sheudzen N. A.* Osobennosti "novoj ekonomicheskoy politiki" [Features of the "new economic policy"]. Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii: mater. VI Vseros. nauch.-prakt. konf. (Krasnodar, 20 maya 2016 g.) [Law and state: problems of methodology, theory and history: materials of the 6th All-Russian scientific and practical conference (Krasnodar, May 20, 2016)]. Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Press, 2017, pp. 232–235. (In Russian).
43. *Shishkin G. I.* Social'nyj portret ural'skogo chastnogo predprinimatel'ya v period nep v sovremennoj istoriografii [Social portrait of the Ural private entrepreneur of the NEP period in modern historiography]. Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya: mater. XIV Vseros. nauch. konf. (16–17 noyabrya 2020 g.): v 2-h t. [The Ural is industrial. Bakunin readings: materials of the 14th All-Russian scientific conference (November 16–17, 2020): in 2 volumes]. Ekaterinburg, UMC UPI Press, 2020, pp. 505–510. (In Russian).
44. *Shcherbakova O. M.* Gosudarstvennyj plan elektrifikacii Rossii o razvitii sel'skogo hozyajstva strany [State plan for the electrification of Russia on agriculture development in the country]. Manuskript [Manuscript], 2018, no. 8 (94), pp. 49–53. (In Russian).
45. *Yadryshnikov K. S.* Pravovoj aspekt denezhnoj reformy 1921–1924 gg. kak fundament sovetskoj kreditnoj sistemy perioda nepa [The legal aspect of the monetary reform of 1921–1924. as the foundation of the Soviet credit system of the NEP period]. Aktual'nye problemy social'noj kommunikacii: mater. IV Vseros. nauch.-prakt. konf. (24 maya 2013 g.) / Fakul'tet kommunikativnyh tekhnologij [Actual problems of social communication: materials of the 4th All-Russian scientific and practical conference (May 24, 2013) / Faculty of communication technologies]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev Press, 2013, pp. 138–140. (In Russian).
46. *Yashchuk T. F.* Reformy mestnogo upravleniya v RSFSR v 1920-e gody [Local government Reforms in the RSFSR in the 1920-ies]. Lex russica (Russkij zakon) [Lex russica], 2017, no. 10 (131), pp. 171–186. (In Russian).

Received 28.04.2021

Klещкина О. Г., Candidate of History, Associate Professor at Department of Philosophy and Humanities
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: gi_ru@mail.ru